

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ

АЛХИМИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б32

Серия «Фантастика: классика и современность»

Paolo Bacigalupi

THE ALCHEMIST
PUMP SIX AND OTHER STORIES

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Бачигалупи, Паоло.

Б32 Алхимик : [сборник: перевод с английского] / Паоло Бачигалупи. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-092576-6

Паоло Бачигалупи — писатель, дебютировавший в фантастике в 1999 году и немедленно обративший на себя внимание таких мэтров жанра, как Харлан Эллисон и Гарднер Дозуа. Его рассказ «Девочка-флейта», вышедший в финал премии Теодора Старджона, включили в свои антологии сразу три редактора. С тех пор начинающий автор получил 13 премий, среди которых такие престижные, как «Хьюго», «Небьюла» и 4 «Локуса». Ярый защитник экологии и приверженец восточной культуры, Бачигалупи сочетает в своих произведениях экзотику дальних стран с развенчанием безжалостных механизмов разрушения природного равновесия.

В сборник вошли роман «Алхимик», поднимающий проблему разрушительной стороны прогресса, и рассказы, рисующие мрачные картины будущего, в котором человечеству отведена роль пассивного наблюдателя за собственной деградацией.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Paolo Bacigalupi, 2008, 2010

© Перевод. К. Егорова, 2017

© Перевод. М. Левин, 2017

© Перевод. В. Гольдич, 2017

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-092576-6

АЛХИМИК

1

Трудное это дело — продавать соседу свою последнюю кровать. Еще того хуже — если твое единственное дитя цепляется за ее раму, как обезьянка-паук, а попробуй отцепить — вопит так, будто ты ей ручки отрубаетшь топором.

Нетерпеливо переминались четверо алаканцев, голодные и радостные, что заработают своими мышцами парутройку медяков. Недовольно стояла Лизка Шарма, сверкая бриллиантовой роскошью юбок. Она пришла лично проследить, чтобы четырехстолбовую кровать вынесли осторожно, не повредив.

А кровать-то массивная! Что смешно — для ребенка. Ручкам и ножкам Джайалы нет никакой необходимости раскидываться на таком просторе. Но рама изукрашена изображениями парящих дворцов Джандпары, облачные драконы древних времен обвивают опорные столбы до самого балдахина, где деревянные когти держат свернутые сетки и раскрываются с медным щелчком искусно сделанные зажимы, выпуская в часы жары разворачивающиеся вниз москитные сетки. Красивая кровать, роскошное ложе. Пронизанная жизненной силой утраченной славы Джандпары. Антикварная вещь, сделанная из мелкозернистой красной древесины — соколиного дерева, давным-давно изведенного терновником, — и потому ценная втройне.

Ее продажа будет нас кормить целый месяц.

Но для Джайалы, шестилетней и очень привязчивой, на глазах у которой вся наша мебель исчезала по одному предмету, это целая трагедия.

Она была свидетельницей того, как испарились наши слуги и нянюшки, будто шипящие капли на раскаленной

решетке. Как сворачивались драпри, скатывались и выносились на спинах алаканцев ковры, будто связки колбас, двигались цепочки людей по нашим мраморным полам. И кровать — это уже чересчур.

В коридорах эхом отдавались шаги нас, немногих оставшихся в доме. Не звучала в портиках музыка нашего фортепьяно, и тепло в здании можно было найти лишь в сернистой вони моей лаборатории, где еще горел последний одинокий огонь.

Для Джайалы исчезновение просторной и прекрасной кровати было последним шансом на сопротивление.

— НЕЕЕЕТ!

Я пытался ее улестить, потом оттащить. Но она заметно выросла со времен младенчества, а отчаяние придавало ребенку сил. Я оторвал ее от матраса, она схватилась за мощный столб, обвила руками, вцепилась накрепко. Прижимаясь щекой к чешуе облачного дракона, она снова заорала:

— НЕЕЕЕТ!

От ее визга могло разлететься стекло. Все, находившиеся в комнате, закрыли уши.

— НЕЕЕЕТ!

— Джайала, ну пожалуйста! — умолял я. — Я тебе новую куплю. Как только у нас появятся деньги.

— Не хочу я новую! — визжала она. — Я эту хочу!

По покрасневшему лицу текли слезы.

Я дергал ее, краснея под осуждающим взглядом госпожи Лизки и стоящих за ее спиной рабочих. Лизка мне нравилась, а сейчас она увидела меня в самом невыгодном свете. Будто мало того, что дом пуст, будто и без того продажа последней вещи моей дочери не унижала меня до крайности, так мне еще приходится унижаться перед ребенком.

— Джайала, это ведь ненадолго! И она будет рядом, у госпожи Лизки. Сможешь ее навестить, если захочешь. — Я глянул на Лизку, отчаянно надеясь, что та не станет возражать. — Буквально в соседнем доме.

— Я не буду спать в соседнем доме! Она моя! Ты все продал! У нас ничего нет! Она моя!!

Вопли Джайалы взлетели на октаву выше, крики стали перебиваться мучительным кашлем, а я все пытался оторвать ее руки от кровати.

— Я тебе новую куплю! Такую, что принцессе впору.

Но она только завизжала громче.

Рабочие зажимали руками уши, чтобы не слышать этих воплей грифона. Я оглядывался, отчаянно ища решения, отчаянно желая остановить кашель, что она навлекла своей истерикой.

Дурак. Какой же я дурак! Надо было попросить Пайлу увести ее, а потом сказать рабочим, чтобы прокрались тихо, как воры. Я оглядел комнату, лица рабочих и очень удивился. В отличие от Лизки, воплощенного раздражения, они ничего такого не выражали.

Ни нетерпения.

Ни гнева.

Ни злости.

Ни превосходства или презрения.

Одну лишь жалость.

Эти работяги-беженцы, пришедшие из-за реки из Малого Каима ради грошового заработка, жалели меня. На сгорбленных плечах грязные рубахи, из разбитых кожаных башмаков видны обмороженные ноги, покрытые коркой грязи, — и они меня жалели!

Они бежали из своего города, потеряв все, жалкие пожитки, увязанные в тряпье, постукивали на их спинах, собаки и детвора, мокроносые и хнычущие, путались под ногами. Пена реки беженцев хлынула из Алакана, когда мэры и магистры признали, что город не удержать и надо, по сути говоря, отходить, и быстро, чтобы спастись от наступления терновника.

Алаканцы, люди, потерявшие все, смотрели на меня с жалостью. И я взбесился.

Я заорал на Джайалу:

— Так что мне прикажешь делать? Дать вам подышать с голоду? Прекратить кормить тебя и Пайлу? Сидеть на соломе и всю зиму грызть мышиные кости, лишь бы у тебя осталась кровать соколиного дерева?

Конечно, она только громче завопила — но теперь уже от страха. А я все кричал на нее, повышал голос, рычал, будто дикий зверь, стараясь напугать, подавить, коли перехитрить не получилось. Своим ростом и силой сокрушить ее — такую маленькую и отчаявшуюся.

— Замолчи! — орал я. — У нас ничего нет, понимаешь? Ничего! Выбирать не приходится!

Джайала сжалась несчастным всхлипывающим комочком, плач перешел в глубокий кашель, который напугал меня еще больше, потому что придется произнести заклинание, чтобы его унять. Что я ни делаю — все к худшему.

Воля к сопротивлению оставила Джайалу. Я отцепил девочку от кровати.

Лизка махнула алаканцам, и они стали разбирать огромную конструкцию.

Я крепко прижимал Джайалу к себе, чувствуя, как она дрожит и рыдает, все еще вслух, но уже не отбивается. Я сломил ее волю. Мерзкое решение, еще сильнее отдалившее нас от того образа, какой нам положено иметь в глазах Трех Лиц Мары. Не отец и дочь, не защитник и священная для него подопечная, — чудовище и его жертва. Я прижимал к себе свое дитя, злясь на весь мир за то, что сейчас произошло между нами. На себя, что наорал на нее. На нее, что довела меня до этого.

А больше всего все-таки на себя, поставившего нас всех в такое положение.

Это была настоящая болезнь, и я втянул себя и своих близких в опасность и нужду. Когда-то наш дом был прекрасен! В те славные дни, когда жива еще была Мерали, я делал медные котлы для богатых домов, изощренные металлические и стеклянные зеркала с причудливой инкрустацией. Выдувал большие бокалы для здоровенных усатых купцов, чтобы пили из них, заключив сделку. Гравировал на вазах Три Лица Мары: женщина, мужчина и дитя, кружащиеся в танце. Вытравливал узоры с облачными драконами и парящими дворцами. Отливал грифонов из золота, бронзы и меди. Вырезал сцены охоты на лосей и единорогов

в мачтовых соколиных лесах востока и скульптурные изображения ста тридцати трех арок знаменитого побережья Джандпары. Мое ремесло покоилось на ностальгических грезах о многих утраченных чудесах империи.

И мы были богаты.

А теперь не украшения для знатных домов, а странные приспособления стоят, булькают и звякают в моей лаборатории, и ни одно из них не предназначено на продажу. Кривые медные трубки, извивающиеся, будто щупальца кракена. Наши исхудавшие лица отражаются в латунных раструбах сопел. Стекланные пузыри светятся синим от эфирных тычинок цветка лоры, который можно сорвать только в летних сумерках, когда светляки манят янтарными уголками брюшек, вынуждая их раскрыться, и спариваются на их атласных лепестках.

И день-деньской и всю ночь шипит и дымится моя лаборатория сернистыми остатками терновника.

Через кишки аппаратуры проползают горелые ветви, семена и наводящие сонливость шипы. Забросив бесчисленные грезы Джандпары, я работаю с ее единственным кошмаром — растением, что уничтожило империю и сейчас грозит уничтожить всех нас. Наш дом день и ночь смердит горелым терновником и выхлопами моего балантхаста. Вот истинная причина того, что моя дочь так отчаянно защищала свою кровать соколиного дерева.

А вина моя, не девочки. Пятнадцать лет я разорял нас каждым принятым решением. Джайала слишком молода и не может даже представить, как выглядело наше хозяйство в его поистине славные дни. Она родилась слишком поздно: не видела цветущего сада роз и люпиновых клумб, не помнит, как наполнились коридоры смехом и голосами слуг, когда с нами жили Пайла, Саэма, и Траз, и Ниаз, и Ромара, и... еще какая-то прислуга, чьи имена забыл даже я, и все углы чисто выметены, и по полу не пробежит ни одна мышь. И вина — только моя.

Я прижимал к груди плачущее дитя, зная: она права, а я виноват, но все равно не мешал госпоже Лизке и ее алаканским рабочим разобрать кровать и вынести по ча-

стям, и наконец мы остались одни в пустой и холодной мраморной комнате.

У меня не оставалось выбора. Или, точнее, я лишил выбора нас всех. Я зашел слишком далеко, и обстоятельства готовы были нас похоронить.

2

После того как я продал кровать, Джайала несколько дней меня сторонилась. Выходила и пропадала где-то часами. Дулась, ко мне не подходила и, казалось, согласна была дать мне выкупить у нее прощение печеньем с сиропом из Сахарного переуллка. Она пропадала на мощеных улицах Каима, и я использовал это спокойное время для работы.

Денег от продажи кровати, пусть даже она была баснословно редким произведением искусства, пусть даже сделали ее из соколиного дерева, которое уже больше пятидесяти лет невозможно добыть, потому что поросль терновника поглотила этот мачтовый лес, хватило все же на столько времени, на сколько хватило. И когда они кончились, вариантов у меня не осталось.

Ощущение было такое, будто меня заперли в знаменитой комнате пыток магистра Хализака, который любил с помощью магии заточать жертв в замкнутую камеру, без двери или окна, и медленно читать заклинания, сжимающие комнату размером со слона до размеров мыши. Говорят, что Хализаку невероятное удовольствие доставляли крики жертв. И когда тюрьма сжималась так, что человек не мог больше этого вынести, Хализак под эту каменную коробочку подставлял кубок, собирал сок погибающего врага и пил за свое здоровье и долголетие.

Я был к этому близок. Ловушка Хализака смыкалась вокруг меня, но я, в отличие от жертв Хализака, высмотрел дверь. Щель в стене сжимающейся тюрьмы. Мы не окажемся без дома! Нам с Джайалой не придется перебираться за реку в Малый Каим и жить с беженцами от терновой напасти.

Я стану героем, которого будут почитать веками. Еще чуть-чуть — и стану героем.

И вновь зарядил балантхаст.

Пайла, верная моя служанка, смотрела издали, стоя рядом с камином. Когда-то она была смешливой девчонкой, но давно превратилась во взрослую женщину и сейчас смотрела на меня, склонив голову набок, и лицо ее было задумчиво, будто я сошел с ума. Она принесла последние детали моего переделанного устройства, и лаборатория превратилась в обновленный хаос медных гвоздей, крепежа и железных опилок. Мусор вдохновения.

Я улыбнулся Пайле:

— На сей раз получится, — сказал я.

Воздух наполнила резкая вонь горелой мелии и мяты. В стеклянной камере наверху балантхаста лежали несколько веточек мяты и лавра, цветок лоры и деревянные стружки мелии.

Я зажег спичку, вспыхнуло пламя. Вот сейчас. Никогда еще я не был так близок к цели. Но Пайле случалось видеть другие неудачи...

Мои приготовления прервал мощный стук в дверь. Я в раздражении повернулся.

— Иди открой, — сказал я Пайле. — Скажи им, что я занят.

Я приготовился поджечь балантхаст, но мою руку остановило предчувствие, и я прислушался. Прошла секунда — и по коридорам эхом разнесся вопль, вопль страдания и утраты. Уронив спичку, я бросился к двери.

На пороге стоял мясник Фалзи, держа в могучих ручищах мою Джайалу. Девочка обмякла, голова безвольно болталась.

— Нашел в терновнике, — сказал он. — Глубоко. Пришлось крюк пускать в ход, плети над ней смыкались. — Мы с Пайлой потянулись к ней, но Фалзи от нас отступил:

— Вы не так одеты.

И правда: его кожаная блуза и передник были покрыты бледными нитями волосков терновника, подергивающимися, как зловещие черви. Несколько штук уже опасны, а тело Джайалы будто покрывал белый мех.

Я смотрел в ужасе.

— Но что она там делала? — Джайала достаточно знала о терновнике из моей собственной работы, чтобы избежать его манящих плетей. — Она даже рядом не должна была быть!

— Уличные дети собирают... — Фалзи отвернулся, поняв, какую сказал бестактность, но продолжал: — Мэр предлагает награду за собранные в городе семена терновника. Чтобы предотвратить распространение, медяк за мешок. Выгоднее, чем ловить крыс. И некоторые дети... если сильно проголодаются, идут в большие заросли за городом и поджигают их. А потом собирают семена, когда лопаются стручки.

— В лабораторию, — велел я. — Быстро!

Фалзи легко пронес маленькое тело Джайалы и положил ее на камни возле очага.

— Что будете делать? — спросил Фалзи. — Яд уже внутри.

Я мотнул головой, щеткой стряхнул нити терновника, цепляющиеся за девочку. От них на коже осталось покраснение. Яд и сон циркулировали в ее маленьком теле. Очистив место на горле, я прижал пальцами пульс, нащупывая сердечное эхо.

Медленно. Очень-очень медленно.

— У меня есть снадобья, которые могут помочь. Уходите. Спасибо. Только уходите!

Фалзи прощальным жестом прижал руку к сердцу, покачал головой и оставил нас.

— Пайла, закрой двери, — сказал я. — И окна.

— Но...

— Делай что сказано! И сама не входи. Двери запри.

Когда я впервые задумался над способом убить терновник, это случилось потому, что я заметил: он никогда не растет вокруг медных копей Кеша. Даже когда пал Алакан и земледельцы отступили перед ползучей линией зарослей, медные копии остались чистыми.

Конечно, со временем стало невозможным до них добраться. Терновник окружил этот странный остров иммунитета и продолжил долгий марш на запад, в Алакан. Тон-

кую ниточку дороги, что вела через терновый лес к медным копиям, стало невозможно защитить.

Но медные рудники оставались безопасными еще долгое время после того, как все остальное было поглощено. Этот феномен я заметил, блуждая в поисках новых материалов для своей работы. Кешийская медь шла на красивые урны, которые пользовались большим спросом, так что я часто совершал подобные выходы. Помню, как аккуратно пробирался по длинному туннелю в терновнике, пока рабочие еще старались держать открытой дорогу к копиям. Вспомнил лицо рабочего, в поту и в копоти от бесконечных рубок и поджогов, кожаные меха и медные горелки, постоянно горящие и дымящиеся, разбрызгивающие пылающую пасту на ядовитые растения.

И медные копии, открывшие передо мной свои недра. Глубокие ямы и траншеи — работа шахтеров, но еще и поляны и деревья: вокруг терновник стоял стеной, а внутри — ни одной ветки. Оазис.

Некоторые магистры и ученые тоже заметили уникальные свойства кешийских медных копий, но когда все уже искали причины этого явления, волна терновника затопила округу, и вскоре уже никому было не прорубиться к изолированному хранилищу шахтерских инструментов и прудам с отходами.

Конечно, народ усиленно экспериментировал.

Несколько человек придумали вбивать медь в дороги или делать медные ножи, чтобы прорубаться сквозь терновник, считая этот металл панацеей от ползучей напасти. И некоторые уже уверенно его так называли. Одно время очень хорошо расходились медные амулеты. Должен признать, что поставлял на рынок подобные безделушки, отливал амулеты и чеканил тонкие урны, чтобы отпугнуть нашествие. Но вскоре обнаружилось, что на меди терновник укореняется не хуже, чем на вспаханном поле крестьянина или в извести мощных стен Алакана. Гранит лучше защищал от этого растения, но даже он в конце концов давал терновнику укорениться.

И все-таки кешийские медные копии не шли у меня из головы — как они держатся там, в глухом терновом лесу?